

Кентерберийского и написал сочинения «De Imagine mundi», «Clavis physicae». Подробное освещение данного памятника и взглядов его автора можно найти в работе А. Я. Гуревича.³

В «Элucidарии» Гонорий, как и многие современные ему авторы, воспроизводит принятую тогда социологическую схему и выделяет три общественные группы: «молящиеся» (духовенство), «воины», «трудящиеся», хотя нередко дробит эти группы по более частным признакам. Но вот когда он ставит главный для себя и для читателя вопрос о спасении души, он идет гораздо дальше обычной для литературы той поры критики в адрес привилегированных сословий и дальше обычного сочувствия к сословиям низшим. Первыми и единственными, кто будет безусловно оправдан на Страшном Суде и спасен для вечного блаженства, оказываются земледельцы (*agricolae*), просто-народе (*vulgus*). Гонорий специально подчеркивает, что только они и есть подлинные «*Dei cultores*» — Божьи пахари, Божьи делатели. И по своему жизненному положению, и по своим религиозно-нравственным свойствам именно народ, несмотря на неизбежную общечеловеческую греховность, являет на себе присутствие Бога, он «*богоносец*» (*theoferus*). Соотно-

³ Гуревич А. Я. Популярное богословие и народная религиозность Средних веков // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.

ся это утверждение с учением о предопределении, Гонорий приходит к идее религиозного избранничества земледельцев. Очевидно, что представление Достоевского о русском народе, именно о «почвенной», крестьянской его массе, как народе-богоносце не может не иметь той или иной связи с указанным источником.

Критическое отношение к выразившемуся в таком представлении религиозному национализму, говорит Никё, часто находят у самого Достоевского, в его речи о Пушкине. Но автор смотрит шире и считает, что Достоевский «в конце своей жизни прославляет универсализм русских и предлагает эсхатологическую универсалистскую утопию, в которой различимы отголоски его юношеского фурьеризма. Особенность русской религиозности — это вклад универсальной ценности. Достоевский избегает национализма, делая русских образцом (потенциальным, он это знает) универсализма» (р. 95). Проясняется понятие «русского Бога» также за счет обращения к мнениям, составляющим здесь религиозно-философский контекст этой идеи в конце XIX — начале XX столетия, — мнений Вл. С. Соловьева, Д. С. Мережковского, Ф. А. Степуна, Н. А. Бердяева.

Практически все статьи «Словаря» дают весьма содержательную, при необходимости компактную, трактовку основных текстов, понятий и персон, входящих в мир Достоевского.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-279-281

© Р. Ю. Данилевский

ДОЛГИЙ РАЗГОВОР ОБ А. В. ДРУЖИНИНЕ*

Рецензируемая книга и разговор о ней — продолжение действительно долгого разговора. Надежда Борисовна Алдонина, доктор филологических наук, на сегодняшний день признана наиболее авторитетным и плодотворным исследователем жизни и творчества А. В. Дружинина (1824–1864). Свои многочисленные статьи исследовательница печатала во многих изданиях, и активно — в пушкинодомских, таких как «Некрасовский сборник» и «Русская литература». Еще более известными в последние десятилетия стали несколько ее капитальных трудов,¹ которые, в свою очередь, сопро-

вождались заинтересованными и неизменно благодарными рецензиями, несмотря на приличествующие рецензиям небольшие замечания. Наиболее подробной, богатой библиографией, цитатами и аналитическими выкладками является рецензия недавно ушедшего от нас П. В. Бекедина.² Назовем также рецензии Ю. Б. Орлицкого³ и Г. В. Зыковой.⁴

² Бекедин П. В. А. В. Дружинин в полный рост // Русская литература. 2009. № 4. С. 214–222.

³ Орлицкий Ю. Б. Н. Б. Алдонина. А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара: Издательство СГПУ, 2005. 532 с. // Литература. 2006. 14 июня. № 12.

⁴ Зыкова Г. В. Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин: Проблемы атрибуции. Самара, 2000; Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара: Изд-во СГПУ, 2005. 532 с. //

* Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин и круг «Современника»: статьи и исследования. Самара: Научно-технический центр, 2019. 640 с.

¹ Алдонина Н. Б. 1) А. В. Дружинин: Проблемы атрибуции. Самара, 2000; 2) А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара, 2005.

Рассматриваемая нами книга заслуживает пристального внимания.

Рецензируемое издание по своей структуре разнородно. Это сборник статей и исследований. В кратком предисловии «От автора» Алдонова констатирует, что в сборник включены как опубликованные ранее, так и не печатавшиеся до того статьи, в ряде случаев дополненные и исправленные. К ним примыкают еще два раздела. Один — «In memoriam», включающий статьи памяти трех покойных старших коллег: Б. В. Мельгунова, Г. В. Краснова и А. А. Демченко. Другой — «Приложение» — представляет собой публикацию трех анонимных работ, атрибутированных ею А. В. Дружинину.

Таким образом, книга Алдоновой представляет собой фундаментальное издание, выросшее с уверенной опорой на академическую традицию. Публикация, атрибуция, исследование, комментарий, аналитика — этот методологический инструментарий задействован Алдоновой в настоящей книге, как и в предшествующих. Исследовательница так же не склонна рассуждать о творчестве в отрыве от текстологии и истории создания и публикации произведения, как и ограничиваться прочтением, отвлекаясь от широкого историко-литературного контекста.

Правда, здесь стоит заметить, что Алдоновой присущ некий «дружиниоцентризм». Эту ее склонность отмечает и П. В. Бекедин на заключительных страницах своей рецензии. При чтении ее работ складывается впечатление, что Дружинин представляет для Алдоновой центральную фигуру литературного процесса, соразмерную если не Пушкину, Гете и Вольтеру, то во всяком случае Тургеневу. (Отметим, что именно пушкинскими словами, сказанными о Вольтере, П. В. Бекедин формулирует читательское контрубеждение об иных пропорциях литературных фигур XVIII и XIX столетий). И. С. Тургенев упомянут нами не случайно. Напомним название рецензируемой книги: «А. В. Дружинин и круг „Современника“».

При первом взгляде на обложку приходит на память классический труд, изданный девяносто лет назад: «Тургенев и круг „Современника“: Неизданные материалы 1847–1861» (М.; Л.: Academia, 1930). Можно смело говорить не о единообразии названий, а о выборе структуры в осмыслении избранной литературной фигуры. В книге «Тургенев и круг „Современника“» читатель находит комментированную переписку Тургенева с людьми из журнального круга (двустороннюю, одно-стороннюю, фрагменты писем), приложение, представляющее собой публикацию, и указатель имен.

На структурном уровне издание Алдоновой выглядит модернизированным. Статьи посвящены людям, близким к журналу, и кон-

кретным историко-литературным эпизодам, и они представляют собой в большинстве своем не комментированную публикацию, а аналитическое построение. Источниковедческий аспект этого издания — введение в научный оборот комплекса текстов — сосредоточено в «Приложении». Но книга посвящена комплексу историко-литературных и литературно-биографических проблем, связанных, с одной стороны, с главным героем книги, с другой стороны — с кругом журнала «Современник».

Сама мысль — такой-то писатель и круг «Современника» — может быть приложена и к любому из редакторов журнала (И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову), и к любому из сколько-нибудь значительных его сотрудников. Безусловно, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, В. П. Боткин, П. В. Анненков, В. Г. Белинский, Л. Н. Толстой и т. д. дают богатую возможность для формирования подобной книги, хоть в «классическом» ее виде, каким мы считаем издание 1930 года, посвященное Тургеневу, хоть в той форме, в какой обращается к материалу Н. Б. Алдонова.

Из общих достоинств ее капитального труда неизменно хочется отметить скрупулезность в проработке истории вопроса. Биографические и литературные связи прослеживаются по множеству источников, прочтенных с одинаково высокой концентрацией внимания. Постраничные сноски в отдельных случаях занимают треть, а то и более, страницы и содержат, помимо ссылки на издание, ход рассуждений исследовательницы. Такое оформление научной мысли характерно для издания «Литературные памятники» и также выдает исследовательский «профиль». В век «сетевой культуры», когда многое оцифровано, а многое остается вне поля зрения человека, изучающего некую тему, такая скрупулезность важна не только по отношению к предмету исследования. Это еще и напоминание о филологической культуре и идее преемственности, без чего нет и новаторства. В этом отношении, не уступая так называемой старой школе литературоведения, Н. Б. Алдонова действительно является новаторским исследователем, представляющим Дружинина и «в полный рост», и «без глянца», и «без ретуши», а главное, без ярлыка «второстепенности». Последнее и является причиной пресловутого «дружиниоцентризма», который не мешает понимать, что Дружинин действительно был очень значительной фигурой в русской литературе.

Так, сборник открывается обширной статьей «А. В. Дружинин о русской литературе XVIII века». Как известно, Дружинин много писал о русской и европейской литературе, и авторы XVIII века его интересовали и волновали. В отличие от Белинского, который в стремлении видеть современную литературу обновленной зачастую излишне категорично умалял достоинства авторов прошедшей эпохи, Дружинин находил в их творениях то, что

для своего времени было новым и живым и волновало читателей. Как пишет Н. Б. Алдонина, «анализ работ Дружинина убеждает в том, что на протяжении жизни он неоднократно обращался к личности и деятельности А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина, стоявших у истоков новой русской словесности. Число откликов невелико, но, собранные вместе, они дают достаточно полное представление об отношении критика к названным писателям и их роли в истории русской словесности. Целью настоящей статьи является выявление суждений Дружинина об упомянутых писателях, их систематизация и первые, хотя бы предварительные, обобщения» (с. 9). Как явствует из статьи, Дружинин двигался примерно в том же русле, что и Белинский: он стремился к историзму, но при этом не боялся быть полемичным по отношению к тому, что считалось прогрессивной критикой: «„Мы не говорим и никогда не будем говорить, — пишет Дружинин в статье „Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения“ (1856), — что область нашей старой словесности от времен Кантемира до карамзинского периода включительно была окончательно оценена и измерена критиками сороковых годов. Тем менее станем мы утверждать, что в настоящее время всякий новый труд по этой части есть труд праздный и бесполезный“...» (с. 9).

Критические исследования Дружинина, любившего обращаться к европейским литературам, умевшего говорить о слоге, сюжете, эпохе, историческом контексте, можно назвать зачатками науки о литературе, историю которой традиционно связывают со знаменитыми циклами статей Белинского. Подача материала и выводы Алдоновой убеждают в необходимости скорректировать это представление и рассматривать наследие Дружинина как почву для рождения и становления русской науки о литературе.

Внимание Дружинина к европейским литературам представляет большой интерес как для Н. Б. Алдоновой, посвятившей этой проблеме значительную часть рецензируемой книги, так и для пишущего эти строки. Дружинин назван «отцом русской англистики». Известно, что он с молодости владел английским, французским, немецким и итальянским языками и успешно выступал в качестве переводчика, в частности, брался за такого сложного автора, как Шекспир. Переводческий вклад Дружинина был достойно оценен исследователями связей русской и европейских литератур — М. П. Алексеевым и особенно Ю. Д. Левиным. Алдонина существенно дополняет, а главное, детально прорабатывает частные аспекты проблемы. Критические исследования Дружинина и его исторические очерки, посвященные английской и француз-

ской литературам, также представляют собой начальный этап литературоведения, которое еще не обрело своего названия, и притом именно компаративистики, получившей развитие значительно позже благодаря трудам великого А. Н. Веселовского. В рецензируемую книгу вошли статьи, отражающие диапазон исканий Дружинина и наблюдений исследовательницы: «Неизвестная статья А. В. Дружинина о творчестве Ч. Диккенса», «Неизвестная рецензия А. В. Дружинина на роман А. Мандзони „Обрученные“», «А. В. Дружинин о поэме Р. Бернса», «Творчество А. Мицкевича в восприятии А. В. Дружинина», причем в «Приложении» помещены обе неизвестные доселе статьи, атрибутированные писателю автором книги.

При чтении статей Дружинина читатель не может не испытывать чувства, сравнимого с попаданием в водоворот: настольно критик XIX века вовлечен в течение литературного процесса, которое возрождается под его пером. Читая исследования Н. Б. Алдоновой, испытываешь нечто подобное: свои наблюдения и выводы исследовательница выстраивает, обращаясь к обширному контексту, притом разным его «полям»: русской литературе, европейским литературам, истории вопроса в русском литературоведении. В этом отношении писатель XIX века и исследователь его творчества звучат в унисон.

Изложение Н. Б. Алдоновой внятно и живо, ее интерес и исследовательский азарт передается читателю, даже если его точка зрения на масштаб литературной деятельности Дружинина относительно мировых и российских имен «первой величины» отлична от ее взгляда. Следует заметить и то, что переоценка масштаба Дружинина действительно закономерна, и, вероятно, она совершится еще не раз.

К досаде читателя, эта книга лишена именного указателя. Все книги и даже статьи Алдоновой чрезвычайно «густонаселенные». Указатель не только облегчил бы читателю работу с книгой. Перечень имен и страниц реферативен. Он очерчивает пресловутый «круг», попавший в поле зрения автора книги. Остается сожалеть, что его нет, либо пожелать, что книга станет доступна в электронном виде и уже тогда будет снабжена научным аппаратом.

Хотелось бы воздать должное разделу «In Memoriam». Он небольшой по объему, сравнительно с научной ее частью. Но он совершенно однороден с библиографической дотошностью, любовью к цитате и сказанному вскользь и в сноске, но к слову, кстати. Это тоже «круг современников», и он был бы понятен Дружинину, о котором сохранилась память как о прекрасном товарище и друге.

Хочется верить, что продолжение разговора о Дружинине и его маститом исследователе Н. Б. Алдоновой еще впереди.